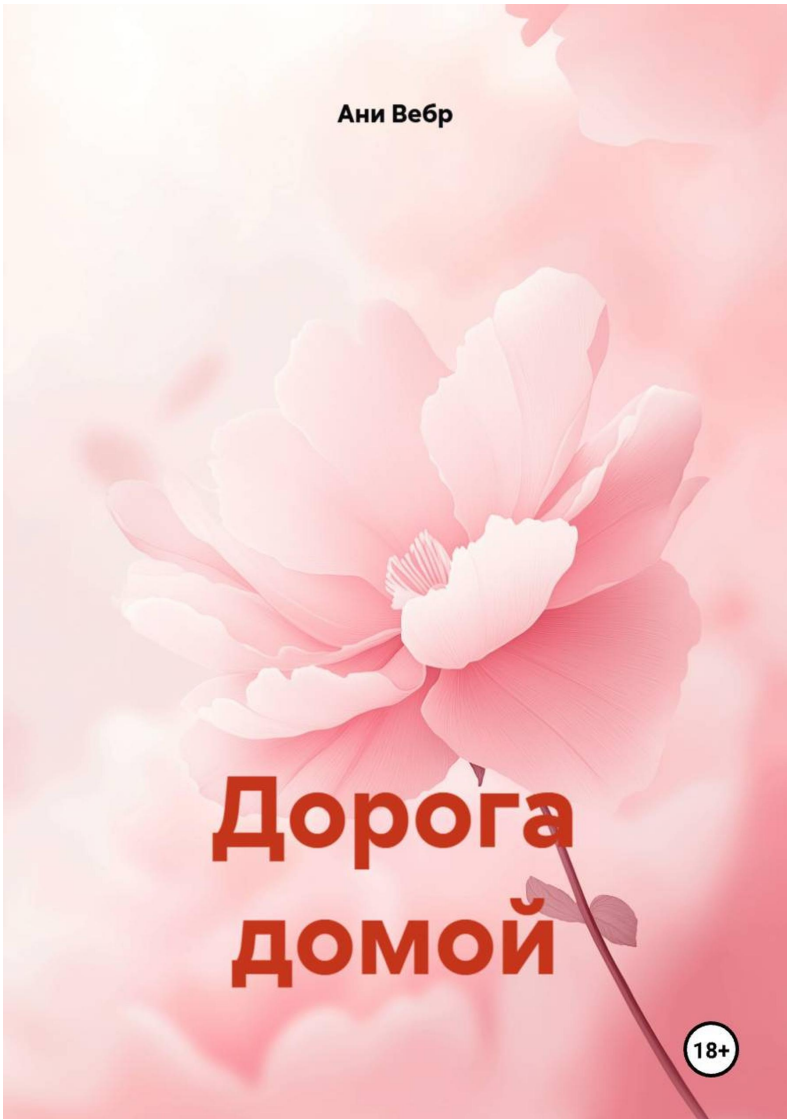
Ани Вебр
Дорога домой
18+

Ани Вебр
Дорога домой

https://litres.ru/74699782
SelfPub; 2026

Аннотация

Она, будучи подростком, сбежала из дома. Спустя многие годы, решила навестить семью. Как сложиться поездка? Ждут ли ее дома? Чем обернется встреча с родственниками после долгой разлуки?

Наталья ехала в родные края, когда судьба свела ее с загадочным парнем, имеющим кучу проблем.

Ани Вебр
Дорога домой

Пройдя тернистый путь к истокам
Тебя может ожидать, совсем не то,
Чего хотелось бы,
Но гораздо лучше, чем ожидалось.

ГЛАВА 1

Перед взором Натальи открывалась бескрайняя дорога — она стелилась лентой, устремляясь к горизонту, словно приглашая забыть обо всём и просто ехать вперёд, пока город не растворится в дымке, а мысли не станут лёгкими, как пух одуванчика. С обеих сторон вдоль обочин возвышались тёмно-коричневые могучие стволы сосен — словно древние стражи, хранящие тишину этих мест, — и стройные белые стволы берёз, будто невесомые невесты в тонких платьях. Это сочетание могущества и нежности гармонично сливалось в общую картину, и от него становилось спокойно, как бывает только вдали от городской суеты, когда мир будто замедляет свой бег.

Кроны деревьев отливали несколькими оттенками зелёного — от глубокого, почти чёрного, до прозрачного, едва уло-

вимого, как дыхание ветра. Множество зелёных красок — это заслуга летнего времени года, щедрого и яркого, не жалеющего ни цвета, ни света. Вокруг было столько зелени, что казалось, будто сама земля дышит свежестью. Трава на обочинах была грязно-зелёной, припорошённой пылью дорог, но всё равно живой, упрямой, пробивающейся сквозь камни. Кроны сосен — тёмно-зелёные, лишь в отдельных местах желтевшие от палящего солнца, будто выцветшие на солнце пряди волос. Берёзки, напротив, были насыщены светлой зеленью, а серёжки, усыпавшие каждое дерево, на тон темнее, как маленькие тайны, спрятанные в листве.

Это буйство оттенков одного цвета разбавляли кустарники дикой вишни, изредка встречавшиеся меж деревьев. Их тёмно-бордовые ягоды, тяжёлые и блестящие, превосходно гармонировали с зеленью, напоминая россыпь гранатов на изумрудном бархате. На смену густой растительности приходили бескрайние поля, засеянные разными культурами, и каждый участок земли был как отдельная картина. Подсолнухи радовали глаз своими жёлтыми лепестками, весело игравшими в солнечных лучах, контрастируя с угольно-чёрной серединой, похожей на зрачок, следящий за солнцем. Поля, засеянные гречихой, цвели потрясающими розово-фиолетовыми цветочками, которые вполне могли посоревноваться красотой с самыми изысканными полевыми цветами, будто сама природа устроила здесь тихий праздник. Пшеничные поля давали отдохнуть глазам от ярких красок — их ровный,

спокойный цвет был как глоток чистой воды после пряного вина. Природа была разнообразна своим великолепием, и понять это можно было, только вырвавшись из города, где небо заслоняют крыши, а тишину — гул моторов.

Наталья любовалась красотами округи, погружаясь в воспоминания, и они накатывали волнами, то тихо, едва слышно, то с силой, от которой сжималось сердце. В детстве она всегда стремилась к свободе и единению с природой, хотела путешествовать и познавать мир, как её отец. Владимир был геологом и подолгу пропадал в экспедициях, и для Наташи он был не просто отцом, а проводником в огромный, загадочный мир. Она мечтала пойти по его стопам, но мать не одобряла выбор дочери. Галина пыталась обуздать волевой характер девочки, сделать её более податливой и спокойной, чтобы дочь покладисто исполняла просьбы. Мать была убеждена, что женщина должна сидеть дома в ожидании мужа, воспитывать детей и создавать уют — эта картина казалась ей единственно правильной, как икона, перед которой нужно молиться.

Девочке приходилось подчиняться и в отсутствие отца помогать по дому, но когда Владимир возвращался, дочь не отходила от него ни на минуту: слушала рассказы о новых открытиях и находках, рассматривала привезённые сувениры, будто это были не камни и карты, а частички другой планеты, и каждый из них хранил в себе целую историю. Когда Наталье было пятнадцать, в экспедиции с Владимиром про-

изошёл несчастный случай, и мир её рухнул, как карточный домик от лёгкого дуновения. После его смерти девочке стало ещё труднее уживаться с матерью. Галине пришлось устроиться на работу, чтобы иметь средства на существование, и тогда она ещё сильнее взяла дочь в оборот: запретила не то что говорить, но и даже думать о путешествиях и исследованиях, переложила всю домашнюю работу на Наташу. Девчонка бунтовала и пыталась отстоять свои права, часто ругалась с матерью, плакала и убегала к бабушке.

Александра Ивановна, бабушка по материнской линии, всегда понимала внучку. Успокаивала, говорила, что надо немного потерпеть: достигнув совершеннолетия, мать не сможет диктовать правила, и Наташа сможет самостоятельно решать, что делать со своей судьбой. Девочка успокаивалась, но ненадолго: Галина каждый раз находила её у бабушки, тащила домой и обрушивала с новой силой своё негодование, и от этого постоянного напряжения Наташа чувствовала себя птицей, запертой в тесной клетке, где даже крылья не расправить.

Спустя три месяца со смерти отца Наталья, так и не смирившись с ролью домохозяйки, сбежала из дома, отправившись навстречу своей судьбе и приключениям, ждавшим её впереди. Из деревни Максимовка, в которой она провела детство, на попутках добралась до города Самары, и этот путь был как переход из одной жизни в другую — из тихой, предсказуемой, но невыносимой, в шумную, опасную,

но свободную.

Первые два года были самыми тяжёлыми. В большом городе Наташа пыталась выжить без крыши над головой и денег, и каждый день был как экзамен, который нужно сдать любой ценой. Когда от бессилия совсем опускались руки, а усталость брала верх, девушка твердила себе, что ни за что не станет домохозяйкой и просто обязана добиться большего в этой жизни. Она должна идти к своей цели, чего бы это ни стоило. Скитаясь по улицам, мелкими подработками добывала деньги на еду: мыла полы и посуду в кафешках, продавала газеты, раздавала рекламные флаеры. Ночевала на стройках и теплотрассах, и холод пробирал до костей, но она не позволяла себе сдаться, потому что знала: стоит только остановиться — и город поглотит её, как песок поглощает капли дождя.

Однажды судьба свела её с местными беспризорниками. Столкнувшись с пятью парнями на одной из заброшенных строек, Наталья ощутила, как по спине пробежал ледяной холодок, а сердце забилось где-то в горле. Парни были изрядно подвыпившие и восприняли девушку как новое развлечение, и их насмешки, их ехидные ухмылки были страшнее кулаков, потому что в них было равнодушие, хуже любой ненависти. С насмешками и ехидными ухмылками они стали приближаться к ней, и время будто замедлилось, растягиваясь, как резина. Но к её счастью и к их разочарованию, отец научил Наташу самообороне. Когда-то он говорил: «На-

ступит день, когда ей пригодятся навыки самозащиты». Вот этот день и наступил. Алкогольное опьянение парней сыграло на руку Наталье: мир вокруг стал предельно чётким, как будто кто-то выкрутил резкость на максимум. Она нанесла первый удар в лицо парню, который первым приблизился к ней. Не ожидая такого сопротивления, он рухнул на пол, и звук падения отозвался в тишине стройки, как выстрел. Подняв с земли кусок арматуры, она нанесла удары по ногам ещё двум. Четвёртый выбил орудие у неё из рук, за что и получил коленом в промежность. Пятый не спешил подходить: он выглядел моложе и меньше остальных. Не дожидаясь, Наташа сама быстро приблизилась и ударила в лицо. Эти парни оказались из категории людей, которые уважают силу, и в их глазах мелькнуло что-то похожее на уважение, смешанное с удивлением. Тот, который получил коленом, пытаясь подняться, окликнул девушку, когда та собиралась бежать, пока они не пришли в себя. Парень заверил, что не тронут её и она может остаться. На свой страх и риск Наталья осталась: не хотела ночью искать новое убежище для ночлега, потому что усталость была такой тяжёлой, что даже шаг казался непосильным. Она слишком устала за долгий день, и мысль о том, чтобы снова идти по тёмным улицам, была невыносимой.

Парни сдержали слово и больше не лезли. Завязался разговор, и в нём было что-то настоящее, без прикрас, как глоток холодной воды после долгого бега. Они рассказывали о себе, а Наташа — о себе, и у каждого была своя тяжёлая

жизненная ситуация, своя боль, спрятанная глубоко внутри. Каждый мечтал о лучшей жизни, но не знал, как это осуществить. Большинство из них были неплохо образованы, и в этом была особая горечь: знания были, а будущего не было.

Павел, который окликнул её и предложил остаться, был предводителем банды. Восемнадцатилетний юноша, высокий и неплохо сложенный, светловолосый и голубоглазый, имел незаконченное высшее экономическое образование. Родители погибли в автокатастрофе, и парню пришлось бросить учёбу. Они были предпринимателями, но после смерти всё имущество, банковские счета и фирма чудным образом перешли к Константину, совладельцу фирмы. Он был другом семьи, а после трагедии заявил, что у родителей Павла было много долгов и всё ушло в счёт погашения долга. Паша в одночасье остался на улице, и в его голове поселились подозрения о причастности Константина к трагедии, произошедшей с родителями. Павел мечтал отомстить обидчику, но не знал как, и эта нереализованная месть жгла его изнутри, как тлеющий уголёк.

Степан и Фёдор, братья, оба невысокие, но коренастые, занимались борьбой с тренером-самоучкой, который был их соседом. Родители были пьющими, образования не было, и, устав от бесконечного кошмара, они просто сбежали. Степан был ровесником Павла, а Фёдор на два года младше, и в их движениях, в их взглядах было что-то звериное, осторожное, как у волков, привыкших к ударам судьбы.

Евгений был самым старшим в этой компании. Ему было двадцать: высокий, худощавый брюнет, помешанный на компьютерах, молодой хакер, выпустившийся пару лет назад из детского дома. По глупости, от большой любви, он переписал свою квартиру на девушку, которая бросила его почти сразу после того, как получила желаемую жилплощадь, и эта потеря была не столько материальной, сколько душевной, как если бы у него вырвали часть себя.

Анатолий, девятнадцатилетний, среднего роста и телосложения, с угольно-чёрными волосами, всю жизнь мечтал быть юристом, но его мечты разбились о непонимание отца. Отец, первоклассный хирург, мечтал, что сын пойдёт по его стопам, и в этом желании не было места для выбора Толика. Он сбежал, как и Наташа, хотел доказать, что может добиться большего, и в его глазах всегда была тень сомнения, смешанная с упрямством.

Парни скитались по улицам, пытались найти себя, промышляли мелкими кражами, и, будучи разносторонними личностями, им не хватало только мозгового центра, чтобы направить их ум в нужное русло. Наталья и стала таким центром, сплотив парней ещё больше, заставив все силы бросить на одну цель. Она предложила безумную идею: отобрать фирму у Константина и вернуть законному наследнику. Парни согласились на удивление быстро, только Анатолий колебался: он единственный знал, сколько им светит, если что-то пойдёт не так, и его сомнения были как холодный ветер, на-

поминающий, что игра идёт не на фишки, а на жизнь.

Два года скитаний до встречи с парнями научили Наташу выживанию и стремлению достичь цели, и теперь эта выученная жёсткость стала их главным оружием. Год они тщательно готовились к делу: создавали липовую фирму, счета, штудировали законы и составляли беспроигрышный договор, отслеживали деятельность фирмы, много работали и прибегали к мелким кражам, чтобы скопить денег на необходимые атрибуты. После Наташиного восемнадцатилетия официально зарегистрировали фирму и приступили к переговорам по телефону, создавая легенду о богатом отце, подарившем дочери фирму. Чтобы Павла не узнали, он находился в тени, помогая Жеке за компьютером, а остальные были вовлечены в спектакль, и каждый играл свою роль так, будто от этого зависела его жизнь.

Фирма Константина «Мадлен» занималась разработкой косметики, они готовились к выпуску новой линии продукции и искали спонсоров. Наталья подходила на роль девочки-куклы, интересующейся косметикой, Анатолий был юристом, а братья — телохранителями. Сделав в договоре несколько небрежных пунктов о том, что Наталья должна получить первую пробную линию и сама придумать название, они подчеркнули легенду избалованной богатенькой девчонки, и эта нарочитая небрежность стала их главным козырем.

Настал день «Х». Облачившись в дорогие костюмы и взяв в аренду представительное авто, они отправились на встречу,

и город будто замер, наблюдая за этим маленьким театром. Наталья так вжилась в роль, что Анатолию даже пришлось пнуть её под столом, чтобы та согласилась вычеркнуть пункт про название. Константин настаивал, что название — это задача для отдела маркетинга, и стороны пришли к соглашению. Константин купился и хотел как можно быстрее и больше выкачать денег из наивной девчонки, и в его жадности была его слабость, которую они использовали, как отмычку.

На следующий день деньги должны были поступить на счёт фирмы «Мадлен», и Евгений обрушил их сервер и вывел со счетов все активы. Он создал путь поступления средств с фирмы Натальи и якобы вывел их тоже. Все активы ушли на счёт Константина, заранее открытый Евгением, а с него ушли на спецсчёт, который уже не отследить. Благодаря пункту договора о сроках начала работ над коллекцией, где сказано, что срыв сроков гарантирует немедленный возврат денег спонсору, они поставили ловушку, и Константин в неё попался. Так как денег у фирмы больше не было, на Константина завели дело по экономическим преступлениям. Он получил приличный срок, а всё его имущество и фирма перешли к Наталье в счёт долга, и справедливость, редкая и хрупкая, как стекло, наконец свершилась.

Все суды и споры заняли около полугода, и Наталья встретилась с парнями полтора года назад, а теперь они чертовски богаты. Празднуя победу, им до конца не верилось, что это реальность, и это неверие было как лёгкая дрожь в руках

после долгого напряжения. Осознание пришло гораздо позже, когда они свернули деятельность фирмы и открыли её в другом городе, Тольятти. Всё имущество Константина они продали, чтобы не оставлять в этом городе ничего, напоминающего о себе, и шесть беспризорников стали крупнейшими бизнесменами, словно из пепла восстали фениксы.

Павел был человеком чести и поделил акции фирмы в равных долях между всеми, и в этом жесте было столько достоинства, что он казался выше любого богатства. Названием фирмы решили сделать аббревиатуру от первой буквы фамилий: Наталья Титова — первая буква «Т», вторая от Павла Алексеева, третья от Анатолия Столярова, четвёртая от Евгения Соколова, пятая от братьев Степана и Фёдора Афанасьевых. Руководство новой фирмы «ТАССА» возложили на Наталью, и ответственность легла на её плечи не как тяжесть, а как признание её силы. Парни же заняли руководящие посты, каждый по своему призванию: Павел возглавил отдел финансов, Анатолий — юридический отдел, Евгений, естественно, занялся программным обеспечением и его безопасностью, а Степан и Фёдор руководили службой безопасности — это то, что у них получалось лучше всего.

Каждый приобрёл квартиру и машину, и машины выбирали каждый на свой вкус, а квартиры купили в одной новостройке и в одном подъезде, желая всегда держаться вместе, как стая, которая знает: поодиночке выжить сложнее. Жизнь забурлила с новой силой, и в этой буре было столько

энергии, что иногда казалось, будто они бегут не по земле, а по натянутому канату над пропастью, и ветер свистит в ушах, но они не падают, потому что держатся друг за друга.

Устав от бесконечной суеты и сложных отношений, Наталья решила взять отпуск, отдохнуть и разобраться в себе. Все эти годы она вспоминала бабушку и очень хотела её навестить, и эта тоска по тихой, мудрой женщине была как свет в конце длинного коридора. Наташа искренне надеялась, что та ещё жива, и вот, спустя пятнадцать лет, всё же решилась вернуться в родные края и навестить её. Став богатой и независимой женщиной, она по-прежнему боялась встречи с матерью, и этот страх был как старый шрам, который ноет перед дождём. Но впервые за долгие годы она хотела сбежать из Тольятти, и желание это было не капризным, а глубоким, как потребность дышать.

Её парень Герман тоже был бизнесменом, они встречались уже год, и когда пару дней назад он сделал ей предложение, Наталья не ответила, взяла паузу, чтобы подумать. Он был хорошим парнем, но связать с ним жизнь — хотела ли Наташа этого, она не знала. Замужество — это серьёзный шаг, и готовность к переменам не всегда приходит вместе с успехом. Пусть она превратилась во взрослую успешную девушку в дорогом сером строгом костюме, где каждая линия подчёркивала уверенность, а каштановые волосы были уложены волнистыми локонами, и макияж тонко подчёркивал её новый статус. Именно в таком виде она направилась в родную

деревню Максимовка, и контраст между её нынешней жизнью и тем, что ждало впереди, был как столкновение двух миров.

За годы они заметно расширили фирму, и Наталья могла себе позволить такую машину, как «BMW M5» синего цвета, в которую влюбилась с первого взгляда: в её стремительных линиях было что-то от ветра, от свободы, от скорости, которая лечит. Оставив управление фирмой на Павла, она отправилась в родные края, чтобы привести мысли в порядок, и дорога казалась ей не просто путём, а испытанием, которое нужно пройти, чтобы найти ответы.

Выскользнув из картинок прошлого, она заметила, что подъезжает к Максимовке, и сердце забилось быстрее, как будто предчувствуя что-то неизбежное. Наталья остановила машину в переулке, неподалёку от дома, дальше пошла пешком, и каждый шаг отдавался в груди, как удар молотка. Стоя у ворот, она не могла решиться зайти, разглядывала дом, и он почти не изменился: тёмно-синий забор, когда-то был светло-зелёным, крыша перекрыта металлом, раньше была шиферная, а в остальном всё по-прежнему. Дом из красного кирпича стоял, как молчаливый свидетель её детства, и в его неподвижности было что-то осуждающее, будто он помнил каждый её крик, каждую слезу, каждый побег.

Увлечённо разглядывая дом, в котором жила когда-то, она не заметила подошедшую мать. Воздух будто стал гуще, тяжелее, и в этой тишине, нарушенной только шелестом лист-

вы, прозвучал голос Галины:

— Вы кого-то ищете?

Наташа вздрогнула и посмотрела на собеседницу, и в этот миг время раскололось на «до» и «после». Оглядев девушку с ног до головы, мать смотрела на неё не как на дочь, а как на незнакомку, и в этом взгляде не было ни узнавания, ни радости, ни боли — только вежливое любопытство, как к случайной прохожей.

— Да. Но я, кажется, ошиблась адресом, — тихо отозвалась она, и голос её дрогнул, но она сдержала слёзы, потому что плакать здесь было нельзя.

Ната торопливо зашагала к машине, стараясь не оглядываться, будто если она обернётся — весь этот мир, и без того треснувший по швам, рассыплется на острые осколки. Каждый шаг отдавался в груди глухим эхом, а воздух, казалось, стал колючим, как сухая трава в конце лета. Сев в машину, она ударила по рулю — не от злости даже, а от бессилия, от желания хоть чем-то прогнать эту звенящую пустоту внутри.

— Она даже не узнала меня! — со злобой произнесла вслух Наталья, и голос её прозвучал в салоне непривычно хрипло, будто слова царапали горло.

Повернув ключ в зажигании, она рванула с места. Мотор взвыл, как живое существо, готовое бежать прочь от боли. В голове гудело, и эхом отзывался вопрос матери: «Вы кого-то ищете? Ищите… ищите…» — эти слова крутились в сознании, как заезженная пластинка, царапая душу. Как она мог-

ла не узнать меня, думала девушка. В душе нарастала обида, гнев и злость — тяжёлые, вязкие, как смола, в которую попадала бабочка и уже не могла вырваться. Неужели за всё время мама не вспоминала о дочери и не переживала за её судьбу? Из-за переживаний и мыслей Наташа не замечала, что едет с очень большой скоростью: стрелка спидометра ползла вверх, а она смотрела вперёд невидящим взглядом, будто пыталась прожечь дыру в горизонте. Не замечая ничего вокруг, летела по трассе прочь, и дорога сливалась в одну серую ленту, по краям которой мелькала зелень, но Наталья её не видела.

Спустя какое-то время доехала до Самары. Город встретил её привычной суетой, но сейчас она ощущалась не как жизнь, а как шум, от которого хотелось закрыть уши. Нужно заправиться и купить что-нибудь перекусить. Наталья хотела как можно быстрей оказаться в родных краях, поэтому раньше не останавливалась в Самаре. Но теперь ей захотелось оглядеться. Оказавшись в городе, где так круто изменилась её судьба, было волнительно: будто она стояла на перекрёстке двух жизней — прошлой и нынешней, и ветер дул с обеих сторон, путая мысли.

Он остался почти таким же, этот город. Может, чуть больше магазинов и высотных домов. В центре появились величественные стеклянные офисные здания — холодные, блестящие, похожие на гигантские кристаллы, выросшие среди старых кирпичных домов. Пересекая город, Наталья огляды-

валась по сторонам в поисках знакомых мест, как будто надеялась найти в них хоть крупицу прежней себя. Все заброшенные стройки, включая ту, на которой она провела большую часть времени, были достроены. Десятиэтажный дом делал это место практически неузнаваемым: там, где когда-то зияли провалы окон и валялись груды мусора, теперь сияли стёкла и горели вывески. Это место, некогда бывшее её убежищем, стало чужим, словно кто-то стёр с карты целый кусок её жизни.

Подъезжая к противоположному выезду из города, она остановилась на заправке. Здесь пахло бензином и жареными сосисками, и этот запах был таким обыденным, таким нормальным, что на секунду Наталья почувствовала себя почти спокойной.

— Полный бак, пожалуйста, — сказала она заправщику и проследовала в магазинчик.

Внутри было ярко, слишком ярко, как в операционной, где не должно быть тайн. Блуждая между стеллажей, она искала то, что понравится взгляду, но всё казалось одинаковым: упаковки, этикетки, цвета сливались в пёструю мозаику, не имевшую смысла. Набрав целую корзину разнообразной еды, даже не понимая, зачем так много — ехать осталось всего полтора часа, — она хватала всё подряд: разнообразные булочки и шоколадки, не забыв при этом прихватить пару пачек любимых чипсов, пару бутылок воды и йогуртовых напитков. Это было похоже на попытку заполнить внутрен-

нюю пустоту чем-то материальным, осязаемым, пусть даже это были просто продукты.

Вернувшись к машине, она сложила пакеты на заднее сиденье. Отъехав к выезду с заправки, остановилась, чтобы просмотреть маршрут по навигатору в телефоне. Экран светился, прокладывая путь, будто знал, куда ей нужно, лучше, чем она сама. И тут резко распахнувшаяся пассажирская дверь заставила её вздрогнуть, как от удара током. Молодой парень грузно упал на сиденье и быстро захлопнул дверь.

— Поехали, быстрей, поехали! — почти умолял он, и в его голосе было столько отчаяния, что оно мгновенно заполнило салон, вытеснив всё остальное.

— Что тебе надо? — возмутилась Наташа, но в этом возмущении уже не было прежней злости — только растерянность и предчувствие беды.

— Прошу, поехали! — продолжал он, постоянно оглядываясь, и в его взгляде читался такой страх, что он казался почти осязаемым — как холодный ветер, проникающий под кожу.

Увидев испуганное лицо незнакомца, она всё же тронулась с места. Машина плавно, но стремительно рванула вперёд, будто сама хотела унести их подальше от опасности. В зеркало заднего вида Наталья заметила, как на заправку влетел чёрный тонированный джип — он ворвался туда, как хищник в стадо, нарушая привычную картину.

— Во что ты меня втянул?! — девушка злобно взглянула

на нового знакомого, но в этой злости уже не было силы — только страх, смешанный с раздражением.

— Просто вывези меня подальше за город, — голос парня звучал вымученно и слабо, будто каждое слово давалось ему с трудом, как глоток воздуха под водой.

— Превосходно! — отозвалась она с возмущением, но сама уже вдавливала педаль газа, чувствуя, как адреналин разгоняет кровь по венам.

Набирая скорость, Наталья выехала за пределы Самары. Ветер ворвался в салон через приоткрытое окно, пахнув пылью, травой и чем-то горьким, как полынь. Парень стал оседать на сиденье, будто силы покидали его, как вода уходит сквозь пальцы.

— Что с тобой? — испуганно поинтересовалась она, и голос её дрогнул, выдавая тревогу, которую она пыталась скрыть.

— Ничего, просто устал, — еле слышно говорил он, и эти слова прозвучали так неубедительно, что Наталья сразу поняла: он лжёт.

Вдалеке появился всё тот же джип, стремительно приближаясь, словно чёрная тень, преследующая их. Вдавив педаль в пол, машина взревела и ускорилась, и этот рёв был похож на крик, вырвавшийся из груди. Противники не отставали, и расстояние между ними сокращалось с каждой секундой.

Парень потерял сознание и обмяк, как тряпичная кукла, лишившаяся нитей.

— Только этого не хватало! — взорвалась Наташа вслух, одной рукой ощупывая и потряхивая парня, пытаясь привести его в сознание.

— Что с тобой? Очнись! Ну, пожалуйста, приди в себя! — причитала она, и в этих словах было столько мольбы, что они повисли в воздухе, как невидимые нити, тянущиеся к нему.

В правом предплечье парня она почувствовала влагу. Одёрнув свою руку, увидела на ней что-то красное.

— Это что, кровь?! — испуганно произнесла вслух, и мир вокруг на мгновение замер, как перед грозой, когда воздух становится тяжёлым и неподвижным.

Джип не отставал, и Наталье становилось ещё страшнее: этот звук мотора, этот чёрный силуэт в зеркале — всё это было как дурной сон, из которого никак не получалось проснуться.

— Только не это! — воскликнула девушка, увидев знаки, предупреждающие о ремонте дороги. Они мелькнули перед глазами, как красные флажки, сигнализирующие об опасности.

Не сбавляя скорости, она ловко объезжала дорожные фишки, и машина скользила по асфальту, как лодка по волнам. Дорога уходила вправо, огибая небольшой лесок, и ветви деревьев, казалось, тянулись к машине, будто хотели удержать её, замедлить, спасти. Сразу за поворотом стоял асфальтоукладчик — громоздкий, неподвижный, похожий на спящего монстра. Заметив его в последний момент, ей уда-

лось уйти от столкновения, выехав на встречную полосу движения. Шины взвизгнули, протестуя, но машина послушалась, подчинившись её воле.

Вскоре послышался удар — резкий, оглушающий, как раскат грома. В зеркало заднего вида Наталья увидела джип, отлетевший от асфальтоукладчика: морда машины была замята полностью, как смятая жестяная банка. Это зрелище на секунду показалось ей нереальным, словно кадр из боевика, который кто-то прокрутил на быстрой перемотке.

Не останавливаясь, она ехала дальше. Ветер свистел в приоткрытых окнах, а сердце колотилось где-то в горле, мешая дышать. Оторвавшись от погони, осталось только решить, что делать с парнем. Его дыхание было тихим, неровным, и каждый вдох давался ему с трудом. Наталья смотрела на него, и в её голове крутился один вопрос: во что она только что ввязалась? Но ответа не было, только дорога впереди, уходящая за горизонт, и тишина, которая вдруг стала оглушительной.

ГЛАВА 2

Наталья летела с такой скоростью, что пунктирная разделительная полоса на дороге сливалась в сплошную линию — будто кто-то провёл по асфальту жирной чёрной кистью, стирая границы. Ветер, ворвавшийся в приоткрытое окно, хлестал по лицу, заставляя щуриться, а в груди всё сжималось

от страха: она боялась, что парень умрёт прямо в её машине, и этот тихий, едва уловимый ритм его дыхания, который она ловила краем уха, вдруг оборвётся, оставив её наедине с виной и пустотой.

На обочине появился знак «с. Зеленовка» — выцветший, покосившийся, будто сам город давно махнул на него рукой. Почти не раздумывая, Наталья сбросила скорость, и машина, словно почувствовав её нерешительность, замедлилась с тихим ворчанием. Свернув к деревне, она проехала пару небольших улочек с маленькими домиками — они стояли, прижавшись друг к другу, как старые знакомые, боящиеся потерять из виду соседа. Среди них взгляд сразу выхватил заброшенный дом: из глины и дранки, он почти разваливался, будто время решило стереть его с лица земли. Разбитые стёкла зияли тёмными провалами, часть крыши отсутствовала, обнажая почерневшие стропила, а вокруг всё заросло бурьяном — высоким, густым, скрывавшим то, что когда-то было двором. На территории множество разросшихся деревьев тянули ветви к небу, словно пытались заслонить дом от чужих глаз.

Наталья направила машину прямо через траву. Колёса проминали жёсткие стебли, оставляя глубокие борозды, но трава, упрямая и живучая, почти сразу поднималась вновь, будто и не было никакого вторжения. Подъехав к дому вплотную, она стала осматриваться. Трава не слишком примялась и почти поднялась вновь, когда машина заехала во

двор заброшенного дома, создав подобие укрытия. «Может, машину никто не заметит», — подумала она, и эта слабая надежда на мгновение согрела изнутри.

Достав пакеты с заднего сидения, Наталья зашла в дом. Воздух внутри был тяжёлым, пропитанным запахом пыли, сырости и забытья. Оглядывая временное пристанище, она отметила, что кое-какая мебель осталась, хоть и в плохом состоянии, словно дом не хотел расставаться с прошлым, цепляясь за эти обломки быта. Первая комната была похожа на кухню. Старая дровяная печь занимала большую часть комнаты — массивная, угрюмая, она смотрела на Наталью, как молчаливый страж, не одобряющий вторжения. Ей лучше не пользоваться, чтобы не заметили дыма — этот дым мог стать предательским маяком. В правом углу стоял покосившийся кухонный шкаф, его дверцы висели на одной петле, будто устали держаться. На полу валялись обрывки газет и старых тряпок — жёлтые, хрупкие, они шуршали под ногами, как сухие кости.

Во второй комнате осталась панцирная кровать, её пружины жалобно поскрипывали даже от лёгкого сквозняка. В метре от неё стояло кресло, ткань которого была покрыта грязью и пылью, въевшейся в волокна так глубоко, что казалось, её не смыть и за сто лет. У стены находился журнальный столик без одной ножки — он стоял, неловко наклонившись, будто стыдился своей неполноценности. На столешнице лежал толстый слой пыли, в котором можно было напи-

сать имя и стереть его одним движением руки. Поставив пакеты у стола, Наталья вернулась к машине.

Обхватив парня под руками и сцепив свои руки в замок у него на груди, она потащила его к дому. Каждый шаг давался с трудом, мышцы ныли, а дыхание сбивалось, но она не позволяла себе остановиться. Изрядно потрудившись, Наталье всё же удалось уложить его на кровать. Его тело казалось одновременно тяжёлым и хрупким, как будто жизнь держалась в нём на тоненькой ниточке. Вернувшись к машине, она одной рукой накрывала её ветками и травой, а другой достала телефон и набрала номер Анатолия.

— Что, уже соскучилась? — весело разливался голос Толика, будто за тысячи километров от неё не было ни погонь, ни ран, ни страха.

— Если бы! Мне нужна медицинская консультация, — тяжело дыша, говорила девушка, и её голос звучал непривычно чужим, надтреснутым.

— Что произошло? — голос парня стал серьёзным и озадаченным, и в этой резкой смене тона было столько заботы, что на секунду стало легче.

— Если коротко, то у меня на руках парень без сознания, и он ранен.

— Во что ты вляпалась? И суток не прошло, — строго спросил Анатолий, но за строгостью слышалось беспокойство.

— Не знаю. Он отключился раньше, чем объяснил. Я не

могу бросить его или дать ему умереть, — взволнованно ответила Наталья, и в этих словах была не только решимость, но и растерянность, как у ребёнка, который не знает, как починить сломанную игрушку.

— Так, хорошо. В какой части тела ранение и какого рода?

— В правом предплечье, — она поспешила в дом, будто сама близость к парню делала её слова весомее. — Ранения не видно, его футболка в крови.

— Возьми аптечку в машине, там есть всё необходимое, я сам подготавливал все аптечки.

— Взяла, что теперь? — она вновь спешила в дом, и каждый шаг отдавался в груди глухим стуком.

— Достань ножницы и разрежь футболку в области раны.

Наталья переключила телефон на громкую связь, присела на кровать и положила его рядом. Открыла аптечку, извлекла ножницы, а чемоданчик оставила на коленях, как щит. Разрезая кровавую ткань, она мельком поглядывала в лицо парня. Он выглядел моложе Натальи, но не слишком — ему было около двадцати пяти. Брюнет, очень симпатичный, с чертами лица, в которых была какая-то упрямая нежность. В первые минуты их встречи она успела разглядеть его глаза — ярко-зелёные, словно два изумруда, в которых отражался весь мир. Убрав ткань от раны, Наташа заговорила:

— Вроде похоже на ножевое ранение, тут слишком много крови, — она сморщилась, чувствуя, как к горлу подступает тошнота, но заставила себя смотреть.

— Какого цвета кровь? Тёмная или светлая? — уточнял Анатолий, и его спокойствие было как якорь в шторм.

— Светлая вроде, — второе слово она произнесла растерянно, будто сама не верила своим глазам.

— Хорошо. Значит, жизненно важные органы и артерии не задеты. Промокни рану, чтоб убрать лишнюю кровь. Потом бери нитку с иголкой, обработай спиртом и зашивай, — спокойно и чётко объяснял Толик, и в его голосе не было ни капли сомнения.

— Что? — воскликнула девушка. — Я не смогу!

— Тебе придётся, если хочешь сохранить ему жизнь. Это не сложно. Достаточно пары стежков, главное — стянуть кожу, чтоб остановить кровотечение.

Глубоко вздохнув, Наталья трясущимися руками принялась за дело. Пальцы не слушались, иголка казалась огромной и опасной, как остриё судьбы.

— Что потом? — дрожащим голосом говорила она, будто цепляясь за его слова, как за спасательный круг.

— Потом сделаешь из бинта подобие подушечки и потуже перевяжешь. Бинта не хватит, возьми что-то из одежды.

Порвав одну из своих рубашек, она перевязала парня. Ткань липла к рукам, а в голове крутилась одна мысль: «Только живи, пожалуйста, только живи».

— Что теперь? — на автомате спрашивала девушка, уже не ожидая чуда, но надеясь на него.

— Ничего, жди, пока очухается, — усмехнулся Толик, и

в этой усмешке было столько тепла, что она почти согрела.

— Долго? — озадачилась Наталья.

— Не знаю, зависит от организма. От пары часов до пары дней.

— Он точно будет жить? — озабоченно поинтересовалась она, и вопрос прозвучал как молитва.

— Не могу сказать, я же не вижу, что там на самом деле. Может, отправить тебе подмогу? Тут Жека рвётся, переживает. Да и я, честно говоря, тоже. Это ещё остальные не в курсе, ты же нам как сестра! Ради тебя мы на всё готовы, — перечислял варианты Анатолий, и от этих простых слов на глаза навернулись слёзы, но она сдержала их, потому что плакать сейчас было нельзя.

— Хорошо, пусть приезжает. Я буду ждать его завтра утром, сегодня всё равно бессмысленно, пока этот парень без сознания. Пусть захватит одежду, я скину ему адрес сообщением.

Спустя час парень пришёл в себя. Он оглядывался по сторонам со страхом, как человек, проснувшийся в чужом сне, и в этом взгляде было столько растерянности, что сердце сжималось. Увидев Наташу, он расслабился, будто нашёл якорь в бушующем море.

— Где мы? — слабым голосом спросил раненый, и Наталья вздрогнула, возвращаясь в реальность.

— Ну наконец-то! — убрав телефон, она подсела к нему. — Рассказывай, кто ты? И во что меня втянул? — придавила

грозным голосом, но в нём уже не было злости — только усталость и тревога.

— Денис, — он протянул руку и скорчился от боли, и это движение было таким беспомощным, что хотелось его защитить.

— Ната, — она пожала руку, и их пальцы на мгновение соприкоснулись, передавая друг другу тепло и дрожь.

— Парни на джипе — местные бандиты. Они считают, что я должен им денег, — не добавил ясности, но в его словах звучала обречённость.

— Что значит «считают»? — не поняла девушка.

— Они держат сервис по ремонту машин. Я устроился на работу. Люблю машины. Только это всего лишь прикрытие, они разбирают угнанные тачки и продают по запчастям. Я узнал и хотел уйти, но они не отпускают так просто. Мне выставили счёт, якобы за сорванный рабочий день, — Денис замолчал, пытаясь отдышаться, и в этой тишине слышался только стук сердца.

— И много хотят?

— Полмиллиона.

— Сколько? — округлила глаза Наталья. — За один день? Это слишком!

— Да, — он качал головой. — У меня нет таких денег.

— И что ты собираешься делать? — спросила она, уже понимая, что плана у него нет, и от этого становилось только страшнее.

— Буду прятаться и искать деньги, — такой себе план, хрупкий, как лёд на весенней луже.

— А если они найдут тебя раньше? Что тогда? — с иронией смотрела на парня, но в этой иронии не было насмешки — только горечь.

— Убьют, — выдохнул обречённо, и эти три буквы повисли в воздухе, тяжёлые и холодные.

Наталья захлопала ресницами, ловя ртом воздух, пытаясь подобрать слова, но слова не находились — они рассыпались, как песок сквозь пальцы.

— Где мы? — снова спросил Денис.

— В заброшенном доме, в одной из деревень. Я съехала с дороги, чтоб привести тебя в чувства.

— Долго я был без сознания?

— Пару часов.

Наталья протёрла стол, смахнув пыль, которая поднялась лёгким облачком и медленно осела, будто не хотела покидать это место. Разложила продукты, и яркие упаковки выглядели здесь чуждо, как цветы на могильном камне. Ден согласился выпить йогуртовый напиток. Наталья подала парню бутылочку с йогуртом, взяв её, он прикоснулся к руке девушки. Их взгляды встретились, и по телу Наташи пробежала дрожь — не от холода, а от чего-то более глубокого, пугающего и манящего одновременно. Взгляд этого парня, который так бесцеремонно ворвался в её жизнь, притягивал и завораживал, как магнит. Сделав всего глоток, Денис снова отключил-

ся, и тишина накрыла комнату, густая и тяжёлая. Остатки дня парень провёл без сознания, а Наталья развлекала себя играми в телефоне, но картинки на экране не задерживались в голове. Несколько раз она подходила к Дену, проверяя, дышит ли он, и каждый раз, услышав этот тихий, ровный звук, выдыхала, будто только тогда могла дышать сама.

Ночью она долго ворочалась в кресле, пытаясь уснуть. Оно было неудобным, жёстким, и сон не шёл, будто боялся этого места. Тогда Наташа ещё раз подошла посмотреть, как себя чувствует парень. Он всё ещё был без сознания, но дыхание было спокойным и ровным, и это было единственным, что держало её на плаву. Наталья была сильно измотана и очень хотела спать, она прилегла рядом с Денисом, в надежде, что сможет заснуть на ровной поверхности. На какое-то время девушка задремала, и сны были рваными, бессвязными, как обрывки старых фильмов. Проснулась она от прикосновения. Открыв глаза, увидела, что Ден пришёл в себя. Его взгляд притягивал, заставляя Наташу странным образом тонуть в нём, как в глубоком озере, где дно не видно, а вода манит своей прохладой. От его прикосновений по телу пробегала дрожь, и она чувствовала, как краснеют щёки, а сердце стучит где-то в горле. Чувствуя неловкость, Ната отвернулась на другой бок, уткнувшись в жёсткую подушку, пахнувшую пылью и временем. Сделав несколько глубоких вдохов, она успокоилась и снова провалилась в сон, хотя знала, что он будет коротким и тревожным.

Утром Денис тряс Наталью за плечо. Потерев глаза и окончательно проснувшись, она поняла, что парень встревожен шумом подъезжающей машины. Наташа поднялась и подошла к окну. Сквозь грязные стёкла пробивался утренний свет, окрашивая пыль в золотистый цвет.

— Не беспокойся, это друг, — успокоила она Дена, и сама почувствовала, как с плеч сваливается тяжёлый груз.

Она пошла на улицу. На обочине стоял чёрный «BMW M5» Евгения. Почему-то ему понравилась такая же модель, как и Наталье, — будто они выбирали машины не по характеристикам, а по тому, как те отражают их внутренний мир. Он загнал машину на территорию заброшенного дома и прикрыл ветками, и это выглядело одновременно нелепо и трогательно — как попытка спрятать что-то ценное от чужих глаз. Они зашли в дом.

— Ты посмотри, живой! — дружелюбно заговорил Женя, и его голос, громкий и уверенный, разогнал остатки тишины. — А я думал, буду помогать закапывать труп. Жека, — протянул он руку парню, и в этом жесте было столько простоты и силы, что даже воздух стал чище.

— Ден, — ответил тот, пожимая её, и в его улыбке мелькнуло облегчение.

— Ну и что будем делать? — спросил Евгений, усаживаясь в кресло и тут же морщась от неудобной позы.

С годами из худощавого парня он превратился в накачанного мужчину. Симпатичный, обычно в дорогих строгих ко-

стюмах, сейчас он выглядел как парень с тренировки — в сером спортивном костюме, который подчёркивал все достоинства фигуры. Коротко стриженные волосы всегда слегка завивались, придавая ему мальчишеский вид, который никак не сочетался с его уверенностью.

— Я не думала об этом, но лучше бы поскорей убраться отсюда, — заговорила первой Наталья, и её голос дрожал не от страха, а от напряжения, которое копилось в ней, как грозовые тучи.

Денис хотел приподняться на локте, но, скорчившись от боли, снова потерял сознание, и этот резкий переход от силы к беспомощности был как удар под дых.

— Судя по его состоянию, придётся вести его к себе, — расстроенно произнесла девушка, и в её словах слышалась не только забота, но и ответственность, которую она брала на себя без раздумий.

— Как скажешь, — пожал плечами Евгений, и в этом простом жесте было столько преданности, что Наталье захотелось его обнять.

Они перенесли и уложили Дениса на заднее сидение Наташиной машины, и каждое движение было осторожным, как если бы он был из стекла. На двух машинах они направлялись в сторону дома, и дорога казалась бесконечной, но теперь в ней было не отчаяние, а цель. Спустя чуть больше получаса они подъехали к дому. Женя помог занести парня в квартиру Натальи. Здесь пахло чистотой и чем-то родным,

и этот запах был как глоток свежего воздуха после долгого бега.

— Отвезешь мою машину на чистку? — попросила Ната Женю. — Сидения перепачканы кровью.

— Хорошо, — кивнул он, и в его взгляде не было ни упрёка, ни усталости — только готовность помочь.

— И ещё… Не говори пока никому, что мы вернулись. Как только он придёт в себя, надо будет отвезти его домой.

— Ладно. Буду нем как рыба, — с нежной улыбкой говорил Евгений, и эта улыбка была как тёплый плед в холодный вечер.

Женя ушёл, а Наталья занялась делами. Приняла душ, смывая с себя пыль, страх и напряжение, переоделась в чистую одежду и приготовила обед. Перекусив, она решила покормить гостя, который пришёл в себя около часа назад.

— Я надеюсь, ты голоден? — неуверенно спросила Наташа, и её голос звучал так, будто она просила прощения за что-то.

— Поем, пожалуй, раз уж обо мне заботится такая красивая девушка, — отозвался Ден, улыбаясь вымученной улыбкой, в которой было столько благодарности, что она согревала лучше любого чая.

Присев на край дивана в гостиной, на котором лежал парень, она держала тарелку с бульоном в руках. Пар поднимался тонкими струйками, и в нём, казалось, растворялись все тревоги.

— Я буду кормить тебя, а то ты теряешь сознание, когда двигаешься, — сразу оправдывалась она, пытаясь скрыть неловкость, но в этой неловкости было столько искренности, что она становилась почти красивой.

— Я не против, — чуть смущаясь, отозвался он, и в его глазах мелькнуло что-то большее, чем просто благодарность.

Наташа набрала бульон в ложку, подула, чтоб остудить, и протянула Дену. Тепло от ложки передавалось пальцам, и это тепло было таким простым и нужным.

— Чей это дом? — поинтересовался он, сглотнув, и его взгляд скользил по комнате, впитывая каждую деталь.

— Это моя квартира. Ты потерял сознание, я не знала, куда тебя отвезти, и привезла к себе, — она пожала плечами, будто это было самое обычное дело — привезти домой раненого незнакомца.

«— Классная квартирка! — восторженно осматривался по сторонам Денис, и в его голосе звучало искреннее удивление, будто он не привык видеть вокруг себя уют. Он медленно скользил взглядом по стенам, по мягким пледам, по книжным полкам, словно пытался запомнить каждую деталь, чтобы потом, в тяжёлые минуты, мысленно возвращаться сюда, в это тихое убежище.

После обеда они смотрели телевизор, болтали о пустяках — о любимых фильмах, о странных привычках, о том, как в детстве боялись темноты. Слова лились легко, без напряжения, и эта непринуждённость понемногу смывала с Дениса

маску тревоги, а с Натальи — броню настороженности. К вечеру Денису стало значительно лучше. Он уже не держался за бок, не морщился от каждого движения. Он хорошо поел и теперь самостоятельно садился и вставал — медленно, превозмогая боль, но с упрямой решимостью, как человек, который не привык сдаваться. И в этом медленном, осторожном возвращении к жизни было столько достоинства, что Наталья невольно им восхищалась.

Ночь накрыла квартиру мягкой, почти бархатной тишиной. Но эта тишина оказалась обманчивой. Наталья проснулась от резкого, неприятного звука — на кухне что-то разбилось. Звук был такой чужеродный, такой резкий посреди ночной тишины, что сердце подпрыгнуло и забилось где-то в горле. Вскочив с постели, она понеслась на кухню, не успевая даже подумать, просто повинуясь инстинкту. Включив свет, перед её взором предстала странная, почти сюрреалистичная картина: Денис стоял в странной позе, почти на четвереньках, и, щурясь от яркого света, пытался на ощупь собрать осколки разбитого стакана. Его лицо было напряжённым, сосредоточенным, а в глазах читалась досада на собственную беспомощность.

— Что случилось? — озабоченно спросила девушка, и голос её прозвучал непривычно хрипло от внезапного испуга.

— Прости, что разбудил. Я хотел попить воды. Вскинув руку, почувствовал боль и не смог удержать стакан, — извиняющимся тоном заговорил Ден, и в этом простом призна-

нии было столько неловкости, что Наташе захотелось его обнять, просто чтобы он перестал чувствовать себя виноватым.

— Давай я помогу тебе добраться до дивана, — Наташа подошла к парню, осторожно обхватила его за талию, и они медленно пошли к дивану, будто прокладывая путь через невидимые препятствия. Осторожно уложив Дениса и поправив ему подушку, она замерла на мгновение. Их взгляды встретились, и в этой тишине воздух между ними словно наэлектризовался. Наталью определённо тянуло к этому парню — это чувство было острым, почти болезненным, и оно пугало её, ведь она была несвободна. Как ни странно, Ден тоже не сводил глаз с Наты, и в его взгляде читалось не только притяжение, но и какое-то тихое изумление, будто он никак не мог поверить, что она рядом.

Прежде чем Наташа успела встать, Денис прильнул к её губам. Это движение было порывистым, искренним, лишённым всякого расчёта. Девушка ответила на поцелуй, как хотела каждая клеточка её тела, хотя мозг твёрдо и холодно твердил обратное. Секунды тянулись бесконечно, сплетая в себе желание и вину, страсть и страх. И когда голова наконец взяла верх над эмоциями, Наталья отстранилась.

— Ложись спать, — говорила она тяжело дыша, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо, а не дрожал от смятения. — Тебе надо набираться сил, — придумала отговорку, которая сейчас казалась ей самой разумной вещью на свете. И, не дожидаясь ответа, быстро скрылась в спальне, будто убегая не от

Дениса, а от самой себя.

Утром, завтракая, Ната старалась не встречаться взглядом с Денисом. Неловкость висела в воздухе, тяжёлая и ощутимая, как густой утренний туман, который никак не хотел рассеиваться. Она не знала, как избавиться от этого чувства, как вернуть ту лёгкость, которая была между ними ещё вчера.

— Не сочти, что я тебя выгоняю, но, может, скажешь, куда тебя отвезти? — начала разговор Наталья, и слова прозвучали чуть резче, чем ей хотелось. — Когда мы встретились, я ехала к бабушке, она ждёт меня, — соврала она, не желая больше оставаться один на один с парнем, потому что боялась, что снова поддастся этому странному, пугающему притяжению.

— Бабушка — это святое. Если тебе не сложно, отвези меня к родителям, — отозвался Ден, и в его согласии было столько благодарности, что Наташа на мгновение почувствовала укол вины за свою ложь.

— Далеко живут твои родители? — поинтересовалась девушка, пытаясь за обыденными вопросами спрятать своё смятение.

— Не знаю, где мы сейчас, но я из Максимовки, — ответил Денис, и его голос прозвучал с лёгкой ноткой надежды, будто само упоминание родного места придавало ему сил.

— Я тоже жила там много лет назад, — призналась Наташа, удивляясь, как тесен мир и как странно переплетаются судьбы людей, которые никогда не должны были встретить-

ся.

— А где ты жила? — оживился парень, и в его глазах вспыхнул интерес, который она не была готова удовлетворить.

— Уже не помню, — соврала она, быстро сменив тему. — Тогда давай собираться, а я сделаю звонок.

Телефон отозвался гудками, и спустя пару секунд в трубке раздался голос Жени.

— Что там с моей машиной? — спросила Наташа, стараясь говорить спокойно, будто речь шла о чём-то совершенно незначительном.

— Стоит у подъезда, — произнёс он.

— Мне надо отвезти Дениса. Поедешь со мной?

— Конечно, но на своей машине, — без колебаний ответил Женя, и в этой готовности прийти на помощь было столько привычного, надёжного тепла, что на душе у Натальи стало чуть спокойнее.

— Хорошо, тогда собирайся, — Ната повесила трубку и почувствовала, как с плеч будто свалился тяжёлый груз — теперь она была не одна, и это многое меняло.

Денис начал подниматься, и Наталья поспешила на помощь. Каждое его движение давалось ему с трудом и болью, и она видела, как он стискивает зубы, стараясь не показывать, насколько ему тяжело. Она помогла снять испачканную футболку и надеть новую — простую, светлую, которая делала его каким-то менее уязвимым. Евгений помог парню до-

браться до машины Натальи, и они расселись по машинам.

Ехали они в полном молчании. Денис смотрел в окно, и по его лицу было видно, что он о чём-то напряжённо думает — может быть, о том, что ждёт его дома, а может, о том, как объяснить всё родителям. Наталья не стала его трогать, не пыталась заполнить тишину пустыми разговорами. Она молча следила за дорогой, изредка позволяя себе любоваться великолепием природы за окном. Поля, уходящие за горизонт, переливались всеми оттенками зелёного, а небо было таким высоким и чистым, что казалось, можно дотянуться до него рукой. Она вспоминала, как, будучи девчонкой, бегала по этим полям с подругами, как таскала домой кукурузу и подсолнухи, и как мир тогда казался огромным, но простым и понятным.

Краем глаза она заметила, как Ден не сводит с неё глаз. Его взгляд был таким внимательным, таким тёплым, что по коже пробегали мурашки.

— Что? — спросила она, бросив на него короткий взгляд, и попыталась улыбнуться, чтобы скрыть смущение.

— Ты очень красивая, — произнёс парень и смущённо отвернулся, будто сам испугался собственной смелости.

— За комплимент, конечно, спасибо, — с улыбкой парировала Наталья, стараясь сделать вид, что такие слова для неё — обычное дело, хотя внутри всё трепетало.

— Ты правда красивая, — повторил он с красным от смущения лицом, и в этом повторении было столько искренно-

сти, что улыбка на её губах стала настоящей.

— Ну хорошо, — ухмыльнулась она, и в салоне снова повисла тишина, но теперь она уже не была неловкой — она стала уютной, почти домашней.

— Жека твой парень? — тихо спросил Ден, и в вопросе слышалась не ревность, а простое любопытство человека, который хочет лучше понять тех, кто его спас.

— Нет, он мне как брат, — без лишних слов отозвалась Наталья, и в этих словах была вся правда их с Женей дружбы — без романтики, но с такой глубиной и преданностью, которые порой крепче любых клятв.

— Почему как? — не понял Денис.

— Мы дружим тринадцать лет, помогаем друг другу во всём, мы стали почти родными, — просто объяснила она, и в её голосе звучала тихая гордость за эту связь.

— Хорошо иметь таких друзей, — мечтательно отозвался он, будто представлял, каково это — знать, что кто-то всегда прикроет твою спину.

— Да, — коротко ответила Наталья, и в салоне снова повисла тишина — спокойная, наполненная мыслями и невысказанными словами.

Спустя два с половиной часа они подъехали к дому из красного кирпича. Дом стоял на небольшом возвышении, будто хотел быть заметнее, и выглядел солидно, даже немного строго. Тёмно-синий забор был крепким и ухоженным, а на чёрных железных воротах красовались кованые ангелы

— их изящные силуэты казались почти живыми, будто они и правда хранили покой этого дома. У Наташи перехватило дыхание, и на мгновение мир будто замер. Всё вокруг — и дом, и забор, и даже эти ангелы — казалось, шептало ей о чём-то давно забытом, о чём-то, что она старательно прятала в самых дальних уголках памяти.

— Ты здесь живёшь? — спросила она, выходя из машины, и голос прозвучал чуть тише, чем обычно, будто она боялась нарушить эту хрупкую тишину.

— Да, с мамой и папой, Галина Павловна и Михаил Петрович, — ответил Денис и, не замечая её состояния, двинулся к дому, полный предвкушения встречи с родными.

Девушка замерла на месте, чувствуя, как земля будто уходит из-под ног.

— Это вряд ли, — буркнула она себе под нос и потянула к себе Женю, ища в его присутствии ту самую опору, которая не подводила её никогда. — Это мой дом и моя мать, — шепнула она, и слова прозвучали как признание в чём-то постыдном, хотя стыдиться ей было нечего.

— Как? — удивился парень, и в его взгляде мелькнуло то самое искреннее непонимание, которое бывает только у людей, не привыкших к тайнам и семейным драмам.

— Так. Давай действовать по ситуации, только не говори ничего лишнего, — быстро проговорила Наталья, и её голос звучал жёстко, по-деловому, будто она собиралась не в родительский дом, а на переговоры с опасными людьми. Они

двинулись за Денисом, и каждый шаг давался Наталье тяжелее предыдущего.

— Сколько тебе лет? — обратилась она к Дену, пытаясь хоть как-то отвлечься от нарастающего внутри напряжения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.